

ВАСИЛЬ МАХНО

**ВЕЧНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ**

Р о м а н

Харьков
«ФОЛИО»
2021

«Эта земля похожа на саламандру в огне»

Эвлия Челеби
(1611–1682)

*«Может быть плохо, когда человек
не чувствует продолжительности времени.
На войне не бывает скучно, в несчастье тоже,
и в муках. Когда трудно, не бывает скучно»*

Меша Селимович
«Дервиш и смерть»

*«У каждого из нас есть свои причины
помнить и забыть»*

Жозе Сарамаго
«Евангелие от Иисуса»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1672. САЛАМАНДРОВАЯ ЗЕМЛЯ

Действующие лица:

Мехмед IV, османский султан
Фазиль Ахмед Кёпрюлю, великий визирь
Грыць Баревич, мытарь
Анна Баревич, жена
Варвара Баревич, дочь
Иван Баревич, сын
Матий Баревич, сын
Павло Баревич, сын
Михал Корибут Вишневецкий, польский король
Ян Собеский, польский король
Антоний Волянский, хорунжий польской гусарии
Ашкенази, еврейский купец из Язловца
Минас Сиринович, армянский купец из Язловца
Якуб, Асфатур, Кшиштоф, сыновья Минаса
Богдан Сеферович, армянский военачальник из Язловца
Саббатай Цви, еврейский лже-Мессия
Сара, жена Саббатая Цви
Язловецкие бейлербеи
Ходжа Али-эфер, писарь Дивана
Мурза, османский чиновник
Онуферко, птицелов
и другие

МЕССИЯ ИЗ СМИРНЫ

Начинается наша история с того, что осенью 5426 года от сотворения мира, в 1666 году от Рождества Христова, в 1115 году по армянскому летоисчислению и 1076 году мусульманского календаря Хиджры из порта города Смирны отплыла галера-бастарда. Событие, на которое можно было бы не обратить внимания, если бы на этой галере плыл в Стамбул кто-то иной, а не Саббатай Цви — смирнинский житель, возвестивший мир о своем мессианстве. Близились года, в которые с тревогой вчитывались иудейские книжники и христианские богословы, дабы понять: что ждет этот мир. А ожидали они прихода Мессии и конца света. Вот почему не утихали споры в синагогах, поскольку книжники, следуя каждой букве Торы, слюнявя пальцы, разматывали свитки пергамента, чтобы постичь слова сначала глазами, а затем — умом. А христианские богословы, такие как Иоаникий Галатовский, были убеждены, что только христиане соблюдают закон Моисея, поэтому будут спасены. Астрономы вглядывались в звездное небо, выискивая звезды и небесные знамения, чтобы первыми заметить что-либо, что подсказало бы им весть о последних временах. Ибо известно, что перед последними временами придут лжемессии, войны, голод, болезни, потопы и великое смятение всех народов. В Лондоне, к примеру, тогда бушевала чума, заве-

зенная голландскими купцами. Клерк королевского Адмиралтейства Сэмюэль Пипс будет описывать в дневнике, что после приказа властей уничтожить всех собак и кошек ареал эпидемии расширился. Все лето городские крысы разносили смертельную болезнь, а жители Лондона выносили трупы из домов и складывали их на улицах, потому что не на чем было вывозить на кладбища. И лишь в начале сентября королевский пекарь забыл потушить печь, в которой выпекал хлеб для двора, — тогда и выгорело полгорода. Вместе с домами сгорели переносчики болезни — и все, кто покинул Лондон, вернулись. И вершились тогда в мире также события, о которых забылось, поэтому мы тоже не можем их вспомнить. А тот Саббатай Цви, который разделит мир на двадцать шесть частей (о чем мы расскажем позже) для своих последователей,нисколько не беспокоился, что империи и королевства давно обладают тем, что он так легко раздавал. Римская и Османская империи, Испания и Португалия, Московское царство и династия Цин в Китае, отречение Патриарха Никона и открытие гравитации Исааком Ньютоном, англо-датская война и первая печатная Библия на армянском в Амстердаме — вот почему все, что связано невидимыми нитями истории, жило тогда в ожидании последних времен, ибо последние времена всегда с нами.

Итак, в сентябре, за день до назначенного выхода галеры из Смирнинского порта, к реису Пападуполосу пожаловал Саббатай Цви. Он нашел капитана в портовой кафане. Пападуполос присел пообедать. Реис был голоден, а беседа с иудеем могла затянуться. Саббатай Цви заметил это недовольство и почувствовал неприязнь к себе. Даже цепкий взгляд капитана, которым тот смерил иудея, пройдясь от Саббатаевой головы до Саббатаевых ног, не предвещал приятной беседы.

Стол перед реисом был еще пуст, и когда реис сглотнул, Саббатай услышал бурчание в желудке Пападуполоса.

Но Саббатай Цви начал:

«Я — Саббатай Цви», — говорил быстро иудей, крепко держась за каждое слово, словно обессилевший пловец за стебли тростника. Говорил он уверенно и через минуту изложил суть дела. Держался Саббатай так, словно это Пападуполос просился к нему на галеру, а не наоборот.

Пападуполос слушал Саббатая и вспоминал сплетни об этом иудее, ходившие в Смирне. В самом конце Саббатай заверил реиса, что щедро заплатит за себя и своих спутников, если тот согласится взять их на борт.

«А сколько вас?» — спросил Пападуполос.

«Двенадцать, — горделиво ответил Саббатай. — Одиннадцать мужчин и Сара, моя жена».

Пападуполос вспомнил, как кто-то из его конопатчиков рассказывал, что в Смирне объявился иудейский мессия, мол, тот мессия только что вернулся из Палестины, откуда привез себе жену Сару, которая затмила красотой всех смирнинских красавиц. Собственно, об этом болтали в мусульманских, христианских и иудейских домах. Дескать, ходит тот мессия по улицам с несколькими своими последователями и поет псалмы. Похож на сумасшедшего, но он не сумасшедший. А другой из команды Пападуполоса, кто слушал рассказ, добавил, что смирнинские раввины не принимают этого Саббатая, но несколько десятков евреев здесь, в Смирне, таки поверили в его слова и готовы идти за ним хоть на край света.

Когда галеру загрузили и штурман подал гребцам первую команду, в порту собралось несколько десятков смирнинских евреев с детьми. Кто-то из них плакал, а кто-то выкрикивал проклятия вслед отплывавшей галере-бастарде. «Что

они там кричат?» — спрашивал себя реис Пападуполос. В его уши, заросшие черными волосами, врывался морской воздух, приглушая слабые голоса иудеев на берегу. Некоторое время спустя затрепетали натянутые паруса. Люди в порту слились с портовыми постройками. А те евреи, которые сбились в кучу на корме и которых Пападуполос согласился перевезти в Стамбул, глядели вперед, всматриваясь за горизонт. Их как будто совсем не волновало, что происходит там, на берегу. И только черноволосая Сара, которая была среди пассажиров, оглядываясь на берег, улыбалась.

К десятку длинных весел по бортам галеры было приставлено более ста гребцов, которых набирали в Смирне или пригородных селах, а остальных — привозили с невольничьих рынков. Штурман, его помощник, надзиратель над невольниками, кузнецы, конопатчики, такелажники, плотники — составляли пеструю команду, с которой мог справиться только реис Пападуполос, грек из Смирны, чьи предки служили еще у Хайреддина Барбароссы. В этот раз на галере также были те двенадцать пассажиров, которые вчера попросились в Стамбул.

Галера Пападуполоса перевозила главным образом пшеницу, хранившуюся на складах смирнинского порта. Имела эта галера две мачты, на которых висели истертые и потрепанные мощными средиземноморскими ветрами паруса, словно штаны-шаровары на кривых ногах капитана.

Нередко во время морских переходов галеру настигал сирокко. Вот почему Пападуполос больше всего боялся раздиравшего паруса и крушившего мачты ветра-сирокко. Плоскодонную галеру, залитую штормовыми волнами, могло выбросить на берег. Даже тогда, когда канатчики вовремя опускали паруса, а надзиратели над гребцами-невольниками, повинаясь приказу капитана, маневрировали, все

равно выживали не все. И Пападуполос вместе с выжившими сбрасывал с каменистых берегов острова тела несчастных утопленников. Находили их по всему берегу. Птицы кружили над ними, чтобы пить у мертвых глаза, а ночью рядом чувствовался запах лисиц. Потом несколько дней кряду конопатчики заменяли разбитые доски корабельного дна и бортов, а плотники ремонтировали поломанные весла. И когда галера с остатками команды была готова продолжить плавание, Пападуполос, ориентируясь по звездному небу, будто в смирнинском квартале, в котором он вырос, искал среди звезд место ближайшего порта.

Но еще вчера, пока Пападуполос ждал свою команду, разбредшую по городу, те двенадцать иудеев попросились у него в Стамбул. Капитан бастарды, осмотрев их, сказал, что галера будет отплывать завтра и они могут дожидаться утра в прибрежном складе пшеницы. К тому же иудей, назвавшийся Саббатаем Цви, показался старику Пападуполосу подозрительным, потому что согласился ночевать на складе, и именно он спросил, в каком доме этот склад, объяснив, что они не хотят возвращаться домой, чтобы не опоздать. Пападуполос проводил их вдоль каменистого берега и, открыв ключом замок склада, впустил внутрь. Сухой воздух ударил Пападуполосу в ноздри, он чихнул, за ним чихнул Саббатай Цви и все остальные его спутники. Прибрежные склоны, на которых созрел виноград, окутывал свежий морской воздух. Кое-где в городских домах дрожал грязноватый свет. Лаяли собаки. На склонах слышно было ржание спутанных лошадей. А где-то совсем далеко, в окрестных селах, сонные петухи проклевывали своими криками полночную тишину, в которую направлялся отряд янычар. Вперемешку с грубыми голосами, удалявшимися от порта, затихал тяжелый конский топот.

Домик, в котором спали иудеи, стоял поодаль от портовых построек. Внутри на кучах пшеницы и расположились на ночь пассажиры Пападуполоса.

Реис вернулся на галеру, но никак не мог уснуть. Перебирая в памяти лица евреев, его переполняли интерес и подозрения. Кто они? Зачем им Стамбул? Назвавшийся Саббатаем Цви казался Пападуполосу сумасшедшим и пророком. Саббатай говорил с капитаном как с пустым местом, дыркой в прогнившей дверной доске. Этот иудей смотрел, продырявливая реиса. Взгляд Саббатая завораживал и напоминал взгляд змеи. Слова, которыми он изъяснялся, были не от земли, а из книг. Только нервное подергивание шейных позвонков и порою тонких губ свидетельствовали о том, что, говоря что-то, Саббатай испытывает огромное напряжение. И исходит это напряжение не из его тела, а откуда-то сверху, словно ливень с облачного неба.

Пападуполос подкрался к складу с пшеницей и заглянул в щель между дверными досками. Он увидел, что иудей по имени Саббатай Цви, склонившись над книгой в переплете из телячьей кожи, читал. Окна были залиты лунным светом, будто серебряным козьем молоком. Отдельно от мужчин спала женщина. Пападуполос не знал, кто она. Женщина во сне раскрылась — и из-под хлопкового покрывала белела ее икра. А когда она перевернулась на левый бок, то покрывало сползло, обнажив ее бархатную спину и ягодицы.

У Пападуполоса сильнее забилося сердце. Он еще раз взглянул на Саббатая Цви, но тот, отложив книгу, уже молился.

Отойдя от двери, Пападуполос, думал о разомлевшей во сне женщине и ее белых икрах.

Он вздохнул, точно усталый зверь, и вернулся на галеру. Заснул, укрывшись с головой грубым халатом.

Над смирнинской бухтой вытекал серебряным светом месяц, походивший на треснувшую скорлупу куриного яйца.

Команда Пападуполоса пришла на берег под утро. И Грек проснулся от скрипа доски, прогибавшейся под дородными телами его матросов, когда те заходили на галеру. Невольников привели последними, когда все остальные заняли свои места на галере.

Бухта искрилась от утреннего солнца.

Начинался прилив — зеленые волны накатывались на берег.

Чайки летали над берегом, первые рыбаки готовили свои лодки с сетями, чтобы успеть до захода солнца вернуться с уловом.

Пападуполос привычно задал взбучку матросам и стал ждать, когда из домика покажутся иудеи.

«Рыбаки выйдут в море первыми», — сказал он своему помощнику то ли с укором, то ли просто чтобы что-то сказать.

Когда на побережье и в порту наконец начала пробуждаться жизнь, дверь домика открылась. Пападуполос это заметил, но из склада никто не выходил. Первым показался Саббатай Цви, держа под мышкой книгу, а за ним вышло десять иудеев и та самая женщина-иудейка, которую этой ночью Пападуполос поедал глазами. Все двенадцать поспешили подняться на корабль. Еще вчера, договариваясь с Пападуполосом, Саббатай Цви, о котором гудела вся Смирна, попытался объяснить греку, что отплывать нужно немедленно, потому что его со спутниками преследуют смирнинские раввины. Но чего ради владельца корабля и его ненадежную команду это должно было волновать? Вот почему отплывали утром, дождавшись прилива. «Одна загвоздка — придется идти против ветра», — размышлял Пападуполос.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. 1672. САЛАМАНДРОВАЯ ЗЕМЛЯ	5
1. Мессия из Смирны	6
2. Ливень	32
3. Саламандра в стеклянной колбе	47
4. Мытарь	68
5. Поход	85
6. Крепость	112
7. Дорога	128
8. Красное перо	157
9. Свадьба	169
Часть вторая. 1916. ПОХОДНАЯ КУХНЯ	193
1. Баревичи и Волянские	195
2. Чортковский ребё	231
3. Bu hangi ülke?	261
4. Язловецкий прорыв	293
5. Обожженное Брюхо и Краснобокое Яблоко	310
6. Открытка с запахом айвы	324
7. Лупинарий Бенцирвской	338

8. Наступление.....	352
9. Рождение.....	377
Часть третья. 1945. Поезд.....	397
1. Переселенцы.....	399
2. Дом Корытовских.....	421
3. Шахтер.....	447
4. Весна-1946.....	471
5. В Чорткове.....	495
6. Две Луны.....	516
7. Кичка.....	532
8. Слепой дождь.....	549
9. Снег с океана.....	574